

экосоциалистический манифест

свободное марксистское издательство

Перевод - Дмитрий Райдер, Александр Устенко,
Сергей Решетин, Кирилл Медведев

Редактура - Александр Устенко, Дмитрий Райдер,
Анастасия Приезжева, Дмитрий Потемкин.

В сборник вошли тексты известных современных марксистов, занимающихся экологической проблематикой, – Михаэля Леви, Джоэля Ковела, Джона Беллами Фостера, которые показывают катастрофическое воздействие рыночной системы на окружающую среду и намечают очертания экосоциалистического проекта, преодолевающего разрушительные свойства как капитализма, так и “реального социализма” 20 века.

Сайт Свободного марксистского издательства

<http://fmbooks.wordpress.com/>

Джоэл Ковел, Михаэль Леви

Экосоциалистический манифест

Идея этого манифеста появилась у Джоэла Ковела и Михаэля Леви в сентябре 2001 года в ходе семинара по экологии и социализму, проходившего в Венсене, недалеко Парижа. Все мы страдаем от хронической формы парадокса

Джоэл Ковел (1936), американский активист, ученый, писатель - экосоциалист, член Зеленой партии США. Специалист по психиатрии, антропологии, политологии. Автор книг «White Racism: A Psychohistory» (New York, 1984), «The Enemy of Nature: The End of Capitalism or the End of the World?» (London, 2002) и многих других.

Михаэль Леви (1938), франко-бразильский марксист – социолог, философ, литературовед, политический активист. Автор множества работ и книг по самым разным вопросам – история марксистской мысли, социология культуры, экология, теология освобождения, национальный вопрос, поэзия сюрреализма, революционное наследие Че Гевары и мн.др. Книги Леви переведены на 28 языков. В 2011 году в Свободном марксистском издательстве вышла первая книга Леви на русском - «Отечество или мать-земля?»

Грамши, живя в эпоху, когда старый порядок умирает (прихватив с собой цивилизацию), в то время как новый еще не в состоянии родиться. Но по крайней мере, о нем можно заявить. Самая глубокая тень, нависшая над нами — это не террор, не экологический коллапс, не глобальная экономическая рецессия. Это — интернализованный фатализм, который гласит, что не существует никакой возможной альтернативы мировому порядку капитала. Таким образом, мы хотели дать пример такой речи, которая сознательно отрицает нынешнее состояние опасливого компромисса и пассивного согласия. Этому манифесту, однако, не хватает смелости манифеста 1848 года, поскольку экосоциализм еще не стал призраком и он не укоренен в какой-то конкретной партии или движении. Он — лишь ряд рассуждений, основанных на понимании существующего кризиса и условий, необходимых для его преодоления. Мы не претендуем на всеведение. Отнюдь нет, наша цель состоит в том, чтобы пригласить к диалогу, дебатам, уточнению, прежде всего, к осмыслению того, как это понятие может быть в дальнейшем реализовано. Бесчисленные очаги сопротивления спонтанно возникают по всей хаотической ойкумене глобального капитала. Многие из них являются

имманентно экосоциалистическими по содержанию. Как они могут быть соединены? Можем ли мы представить «Экосоциалистический Интернационал»? Может ли призрак быть вызван к жизни?

Манифест

Двадцать первый век начинается на катастрофической ноте: с беспрецедентным уровнем экологического разрушения и хаосом мирового порядка, который охватил планету террором и очагами вялотекущей, но разрушительной войны, распространяющейся подобно гангрене на огромных территориях — таких как центральная Африка, Ближний Восток, северо-запад Южной Америки — и отражающейся на всех народах. По нашему мнению, экологический кризис и кризис социальный глубоко взаимосвязаны и должны рассматриваться как различные проявления одних и тех же структурных сил.

К экологическому кризису во многом привела безудержная индустриализация, которая превышает способность Земли амортизировать и сдерживать экологическую дестабилизацию. Социальный кризис вызван формой империа-

лизма, известной под именем глобализации, с ее разлагающим воздействием на общества, которые стоят на ее пути. Более того, эти основные силы — по сути, различные аспекты одного и того же процесса, который следует признать центральным фактором, движущим целое: экспансия мировой капиталистической системы.

Мы отвергаем все эвфемизмы или пропагандистские смягчения жестокости этого режима: весь «зеленый камуфляж» его экологических издержек, мистификацию человеческих издержек, скрывааемых за именами демократии и прав человека. Вместо этого мы настаиваем на оценке капитала с точки зрения того, что он реально делал. Воздействуя на природу и ее экологический баланс, этот режим, императивом которого является постоянное увеличение прибыльности, подвергает экосистемы воздействию дестабилизирующих загрязняющих веществ, разрушает среды обитания, которые развивались на протяжении эпох, что способствовало процветанию организмов, разбазаривает ресурсы и сводит чувственную жизненность природы к холодной обмениваемости, требуемой для накопления капитала. Что касается человечества с его требованиями самоопределения, сообщества и осмысленного существования, то капитал сво-

дит большинство людей в мире к простому источнику рабочей силы, отвергая большую часть остальных как бесполезные досадные помехи. Он вторгся и подорвал целостность сообществ глобальной массовой культурой консьюмеризма и деполитизации. Он увеличил разницу в богатстве и власти до беспрецедентного за всю историю человечества уровня. Он действовал рука об руку с сетью коррумпированных и покорных государств-клиентов, чьи местные элиты осуществляют репрессии за него, тем самым оберегая центр от осуждений. Он также создал сеть трансгосударственных организаций под полным контролем западных держав и сверхдержавы США, чтобы подорвать автономию периферии и навязать ей долговую кабалу, держа при этом огромный военный аппарат, обеспечивающий принудительное согласие с капиталистическим центром. Мы считаем, что существующая капиталистическая система не способна урегулировать, а тем более преодолеть кризисы, которые сама породила. Она не может решить экологический кризис, потому что это требует установления пределов накоплению — недопустимый вариант для системы, основанной на правиле: разрастайся или умри! И она не может разрешить кризис, вызванный терроризмом и дру-

гими жесткими формами сопротивления, потому что это означало бы отказаться от логики империи, что установило бы недопустимые пределы росту и целому «образу жизни», поддерживаемому империей. Единственный оставшийся ей выбор состоит в том, чтобы обратиться к грубой силе, увеличивая, таким образом, отчуждение и провоцируя дальнейший терроризм... и дальнейшее противодействие терроризму, развивающегося в новый и зловещий вариант фашизма. В общем, мировая капиталистическая система — исторический банкрот. Она стала империей, неспособной к адаптации, самый гигантизм которой демонстрирует ее основную слабость. Она, выражаясь языком экологии, глубоко нестабильна и должна быть фундаментально изменена — нет, заменена, если речь идет о приемлемом для жизни будущем. Таким образом, абсолютный выбор, однажды обозначенный Розой Люксембург, становится снова актуальным: социализм или варварство! Облик последнего теперь отражает прошедшее столетие и принимает образ экологической катастрофы, террористического контртеррора и их фашистского вырождения.

Но почему социализм, зачем возрождать это слово, по-видимому, отправленное на свалку

истории из-за провала всех социализмов двадцатого века? Лишь по одной причине: сломленный и неосуществленный, но социализм по-прежнему означает преодоление капитала. Если капитал должен быть преодолен — а это задача, вызванная теперь необходимостью выживания самой цивилизации, — то результат по необходимости будет социалистическим, поскольку именно этим словом обозначается прорыв в посткапиталистическое общество. Если мы утверждаем, что капитал в корне нежизнеспособен и скатывается в варварство, обрисованное в общих чертах выше, значит мы также говорим, что должны построить «социализм», способный к преодолению кризисов, вызванных капиталом. И если социализмы прошлого были не в состоянии это сделать, то наш долг, если мы не хотим смириться с тупиком варварства, — бороться за тот социализм, который достигнет своей цели. И раз с тех пор, как Люксембург сформулировала свою роковую альтернативу, варварство изменялось, отражая на себе развитие прошедшего столетия, то имя и сущность социализма также должны стать адекватными нашему времени.

По этим причинам мы хотим назвать нашу интерпретацию социализма экосоциализмом и посвятить себя его реализации.

Почему экосоциализм?

Мы видим экосоциализм не как отрицание, но как реализацию социализмов «первой эпохи» двадцатого века в контексте экологического кризиса. Как и они, экосоциализм исходит из понимания капитала как объективированного прошлого труда, и видит свое основание в свободном развитии всех производителей, или, говоря иначе, в преодолении отделения производителей от средств производства. Мы понимаем, что эта цель не могла быть достигнута социализмом первой эпохи по причинам, слишком сложным, чтобы обсуждать их здесь. Мы можем лишь в общем обозначить их как различные последствия экономической отсталости в условиях враждебности существующих капиталистических держав. Это стечение обстоятельств оказало многочисленные пагубные эффекты на реальные социализмы, приведя, прежде всего, к отказу от внутренней демократии наряду с подражанием капиталистическому продуктивизму, и в конечном счете к краху этих обществ и разрушению их окружающей среды. Экосоциализм сохраняет освободительные цели социализма первой эпохи и отвергает как половинчатые, реформистские цели социал-демократии, так и

продуктивистские структуры бюрократических версий социализма. Он настаивает на пересмотре как пути, так и цели социалистического производства в экологической системе координат. И делает это с особенным вниманием к «пределам роста», важным для устойчивости общества. Однако эти пределы принимаются им не в смысле дефицита, нужды и подавления. Скорее, целью является трансформация потребностей и фундаментальный поворот от количественного измерения к качественному. От точки зрения товарного производства это приведет к повышению приоритета потребительных стоимостей над меновыми стоимостями — проект далеко идущего значения, основанный на непосредственной экономической деятельности.

Генерализация экологического производства в социалистических условиях сможет обеспечить основу для преодоления существующих кризисов. Общество свободно ассоциированных производителей не останавливается на собственной демократизации. Оно также должно настаивать и на освобождении всех живых существ как условия и цели своего существования. Оно, таким образом, преодолевает империалистический импульс и субъективно, и объективно. На пути к осуществлению этой цели оно борется за

преодоление всех форм господства, в особенности гендерного и расового. И оно преодолевает условия, приводящие к фундаменталистским отклонениям и их террористическим проявлениям. В итоге мировое общество придет к немыслимому в существующих условиях уровню экологической гармонии с природой. Практический результат этих тенденций был бы выражен, например, в исчезновении той зависимости от ископаемого топлива, которая является неотъемлемой частью индустриального капитализма. Что, в свою очередь, может обеспечить материальную основу для освобождения территорий, поработанных нефтяным империализмом, способствуя сдерживанию глобального потепления наряду с другими бедствиями, вызванными экологическим кризисом.

Невозможно прочитать эти строки, не задумавшись, во-первых, над тем, сколько практических и теоретических вопросов они поднимают, и, во-вторых, что еще более обескураживает, тем, насколько далеки они от существующей конфигурации мира, как закрепленной в институтах, так и зафиксированной в сознании людей. Нет необходимости подробно раскрывать эти тезисы, которые наверняка всем и так очевидны. Но важно, чтобы они были поняты в надлежащей перспективе. Наш проект состоит

не в том, чтобы спланировать каждый шаг на этом пути, но и не в том, чтобы уступить противнику из-за превосходства власти, которой он обладает. Скорее, он призван развивать логику достаточного и необходимого преобразования нынешнего порядка и начать осуществлять промежуточные шаги по направлению к этой цели. Мы делаем это для того, чтобы более глубоко осмыслить эти возможности и одновременно начать работу по объединению всех, кто мыслит схожим образом. Если эти аргументы имеют хоть какую-то ценность, то подобные идеи и практики их осуществления должны начать согласованно зарождаться во всех точках мира. Экосоциализм либо будет интернациональным и универсальным, либо его не будет вообще. Кризисы нашего времени могут и должны быть осознаны как революционные возможности, и наш долг — заявить об этих возможностях и воплотить их в действительность.

Ричард Йорк, Бретт Кларк, Джон Беллами Фостер
Капитализм в стране чудес

В недавнем очерке под названием «Экономической науке нужна научная революция», опубликованном в «Нейчер», одном из ведущих научных журналов, Жан-Филипп Бушо, физик по образованию, работающий аналитиком в компании по доверительному управлению инвестициями (I), задал риторический вопрос: «Что можно считать главным достижением экономической теории?» И сам же ответил: «Только

Ричард Йорк – соредактор журнала *Organization & Environment*, адъюнкт-профессор социологии Орегонского университета.

Бретт Кларк – старший преподаватель социологии в университете штата Северная Каролина. Соавтор, вместе с Ричардом Йорком и Джоном Беллами Фостером, книги *Critique of Intelligent Design: Materialism versus Creationism from Antiquity to the Present* (Monthly Review Press, 2008).

Джон Беллами Фостер – редактор журнала *Monthly Review*, профессор социологии Орегонского университета. Автор книги «*The Ecological Revolution: Making Peace with the Planet*» (Monthly Review, 2009) и многих других работ.

ее постоянную неспособность предсказывать и предотвращать кризисы» (1). Хотя Бушо сосредоточивается на текущем мировом финансовом кризисе, он также касается взглядов мейнстримной экономической теории на окружающую среду. Согласно им, например, реликтовые леса являются неработающими активами, которые должны быть обращены в деньги, а чистые воздух и вода – предметами роскоши, доступными богачам. В американской экономической теории уже долгое время доминируют интеллектуалы, безусловно принимающие капиталистический статус-кво и, соответственно, оценивающие природу исключительно с точки зрения получения максимальной краткосрочной прибыли за счет ее эксплуатации. Вытекающая из этого неспособность мейнстримной экономической теории справиться с глобальным экономическим кризисом или даже осознать его крайне тревожит своими последствиями.

Проницательный Бушо заметил: «Приписываемые свободному рынку всеведение и идеальная эффективность проистекают из работ 1950 60 х гг., которые, если оценить их критически, выглядят скорее как антикоммунистическая пропаганда, чем как достоверная наука». Капиталистическая идеология, лежащая в основе

экономической теории в США, оторвала экономистов от реальности, сделав их неспособными к пониманию множества кризисов, с которыми сталкивается мир. Зацикленность мейнстримной экономической теории на бесконечном росте ВВП как мериле добавленной стоимости и игнорирование человеческого благополучия и действительной ценности экосистем и биологических видов, а также неспособность уяснить фундаментальные экологические основы экономики, привели к гораздо большему, чем к нежеланию увидеть разрушение окружающей среды. На самом деле проблема еще глубже. Ортодоксальная экономическая теория, как и капиталистическая система, которой она служит, живет по принципу «После нас хоть потоп!» – философии, которая представляет собой все что угодно, кроме адекватного экологического ориентира. Как отметила Наоми Кляйн, есть что-то «извращенное» в «капитализме катастроф» (2).

Экономисты в стране чудес

Врожденная неспособность ортодоксальной или неоклассической экономической теории принимать во внимание экологические и соци-

альные издержки, пожалуй, лучше всего представлена в США в работах Джулиана Саймона. В статьях и дискуссиях в журналах «Сайенс», «Социал Сайенс Куотерли» и в своей книге «Неисчерпаемый ресурс», опубликованной в начале 1980 х гг., он настаивал на том, что никаких серьезных экологических проблем не существует, окружающая среда не может ограничивать рост экономики или населения, и никакого дефицита ресурсов в долговременной перспективе ожидать не стоит. Известно его позорное заявление о том, что медь (как химический элемент) может быть получена из других металлов, и лишь масса Вселенной, даже не Земли, прокладывает теоретическую границу количеству добываемой меди. Нестесненный ничем свободный рынок, доказывал он, обеспечит в далеком будущем непрерывный прогресс. Эти и другие сомнительные утверждения заставили Пола Эрлиха назвать Саймона «экономистом в стране чудес» (3).

Апологеты капитализма и сегодня продолжают пребывать в стране чудес, потому что только в стране чудес проблемы окружающей среды или не существуют, или легко могут быть разрешены капитализмом, который, на их взгляд, также способен повысить качество жизни основной массы человечества. Бьорн Ломборг, датский

статистик и политолог (в настоящее время адъюнкт-профессор Копенгагенской школы бизнеса), поднял знамя Саймона, набросившись в своей книге «Скептический эколог» (2001 г.) на энвайронментализм (II). Ломборг утверждал, к примеру, что попытки предотвратить изменение климата обойдутся дороже и принесут больше вреда, чем само изменение. Средства массовой информации, заждавшиеся нового крестоносца против энвайронментализма, сразу же вознесли книгу Ломборга до небес. Вскоре после публикации «Скептического эколога» ученые-экологи нашли множество ошибок (не все из них случайные) в аргументации и фактах, представленных Ломборгом. В одном из номеров журнала «Сайентифик Американ» были размещены четыре статьи ведущих ученых, в пух и прах раскритиковавших Ломборга. Из-за серьезных недостатков книга была отвергнута научным сообществом. Несмотря на абсолютное неприятие «Скептического эколога» учеными-естественниками, все это, похоже, лишь добавило Ломборгу популярности в глазах корпоративных масс-медиа. Журнал «Экономист» разрекламировал работу Ломборга, провозгласив её «одной из самых ценных книг по вопросам государственной политики», которая развенчивает пред-

ставление о «надвигающейся глобальной экологической катастрофе» и рассеивает «веру в самоуничтожающийся капитализм» (4). Журнал «Тайм» в 2004 г. включил Ломборга в число 100 самых влиятельных людей в мире, а в 2008 г. британская «Гардиан» назвала его одним из «50 человек, которые могли бы спасти планету».

В 2003 г. Ломборг инициировал проект «Копенгагенский консенсус» для ранжирования главных мировых проблем. Группа, состоящая из тщательно отобранных специалистов, главным образом в области экономики, составила доклады по различным глобальным приоритетам. На их основе восемь «экспертов», на этот раз исключительно экономисты, ранжировали глобальные проблемы. При этом было объявлено, что экономисты являются единственными экспертами, способными на определение «экономических приоритетов», т.е. принятие решений о том, куда направлять общественные ресурсы. Неудивительно, что проблему изменения климата все восемь поместили на последнее место в мировой «повестке дня», поддержав тем самым позицию Ломборга (5).

Книга Ломборга «Охладите! Глобальное потепление. Скептическое руководство» (2007 г.) стала фронтальной атакой на Киотский прото-

кол и любые попытки значительного сокращения выбросов парниковых газов. Отправной точкой для Ломборга было то, что «все основные сопоставимые экономические модели оправдывают только небольшое снижение выбросов». Особенно он упирал на работы исследователя из Йельского университета Уильяма Нордхауса, ведущего представителя экономистов в дискуссии по глобальному потеплению, который выступает против любого резкого снижения выбросов парниковых газов и ратует вместо этого за постепенное снижение на том основании, что оно более оправдано экономически (6).

Экономисты против естественников

Излишне говорить, что экономисты, фактически по определению, скептически относятся к проблемам окружающей среды. А ведь именно они оказывают огромное влияние на политику в области климата, будучи апологетами господствующего класса капиталистического общества, которому подчинены все остальные. (Социологи либо солидаризируются с экономистами в признании накопления как присущей обществу цели, либо вообще исключены из де-

батов). Разительное отличие представляют собой естественники и физики, которых все более волнует деградация планетарной среды, но которые имеют значительно меньше влияния на политику.

Мейнстримные экономисты вышколены в защите частной прибыли как краеугольного камня для общества, даже ценой растущих проблем человеческого благосостояния и окружающей среды. Для Милтона Фридмана загрязнение окружающей среды не было проблемой, поскольку решение было простым и ясным: «Экологические ценности, подобно любой другой разновидности потребительского спроса, могут найти на рынке свою собственную нишу» (7).

В отличие от экономистов естественники в своих научных изысканиях, как правило, опираются на материалистическую концепцию природы и исследуют какой-либо конкретный уровень физического мира, к состоянию которого они относятся гораздо более серьезно. Потому они в разы менее предрасположены к преуменьшению проблем окружающей среды.

Конфликт между экономистами и естественниками во взглядах на глобальное потепление стал явным после появления в 1993 г. в ведущем

естественнонаучном журнале «Сайенс» статьи Нордхауса. Он утверждал, что потери мирового валового продукта вследствие продолжения глобального потепления к 2100 г. будут незначительными (около 1% валового внутреннего продукта в 2100 г.). Его вывод полностью противоречит данным естественных наук. Согласно прогнозу Межправительственной комиссии ООН по изменению климата нынешний принцип «бизнес, несмотря ни на что» может привести к повышению среднемировой температуры на $5,8^{\circ}\text{C}$, что, по мнению ученых, приведет ни к чему иному, как катастрофе цивилизации и исчезновению жизни на планете. Нордхаус в своей статье пришел к выводу, что попытки стабилизации выбросов парниковых газов были бы еще хуже бездействия. Это вызвало массу писем известных естественников в «Сайенс», которые показали полную абсурдность анализа Нордхауса.

Впоследствии Нордхаус попытался защитить свою точку зрения, проведя опрос целого ряда влиятельных экономистов и естественников и напечатав полученные результаты в «Американ Сайентист» в 1994 г.. Выбранные им для опроса экономисты подтвердили, что изменение климата будет оказывать незначительное воздействие

на экономику. А вот естественники настаивали, что последствия окажутся потенциально катастрофическими. Один физик заявил, что при нынешних тенденциях вероятность полного исчезновения цивилизации составляет десять процентов, – и подобная оценка сегодня стала еще более распространенной. Нордхаус подчеркнул, что тот, кто разбирается в экономике, смотрит в будущее с оптимизмом. На это Стивен Шнайдер, биолог и климатолог из Стэнфордского университета (и ведущий критик как Ломборга, так и Нордхауса) возразил, что тот, кто разбирается в окружающей среде, беспокоится о самом будущем. Шнайдер подвел итог дискуссии в 1997 г. в своей книге «Лаборатория Земля»: «Большинство традиционных экономистов... считает, что даже если произойдет это колоссальное изменение климата (повышение среднемировой температуры на 6°C), которое по своему масштабу равнозначно переходу от ледниковой эпохи к межледниковью, причем за сто, а не за тысячи лет, то его влияние на мировую экономику составит всего лишь несколько процентов. В сущности, они разделяют парадигму, что общество почти независимо от природы» (8).

Действительно, ортодоксальные экономисты, как правило, оценивают экономические из-

держки от глобального потепления в 2100 г. на уровне нескольких процентов, что едва ли существенно, в том числе и для изменения климата. В реальности же климатические изменения подвергнут опасности большинство «высших» видов на планете и саму человеческую цивилизацию и будут стоить сотни миллионов, если не миллиарды, человеческих жизней.

Несостоятельность экономических моделей в оценке человеческих и экологических потерь вследствие изменения климата не должны нас удивлять. Буржуазная экономическая теория тщательно культивирует равнодушие к людским трагедиям (не говоря уже о природных катастрофах), что стало почти синонимом «бесчеловечности человека к человеку». Томас Шеллинг, лауреат учрежденной Банком Швеции Нобелевской премии по экономике и один из восьми экспертов «Копенгагенского консенсуса», известен высказыванием, что поскольку последствия изменения климата преимущественно выпадут на долю беднейших стран глобального Юга, большим вопросом является то, сколько ресурсов богатые страны глобального Севера должны направить для смягчения этих последствий (Шеллинг поместил изменение климата на последнее место в списке мировых приоритетов

«Копенгагенского консенсуса») (9). Здесь нельзя не вспомнить историю с Гудзоновским институтом (III), позицию которого по строительству крупной плотины на Амазонке в начале 1970-х гг. один из критиков выразил следующим образом: «Кому какое дело, что подъем уровня воды погубит несколько племен, которые, как предполагали, находятся на достаточно высоких землях, или уничтожит пару лесных видов?» (10) Подобным образом главный экономический советник Обамы Лоуренс Саммерс, в бытность ведущим экономистом Всемирного банка утверждал в служебной записке: «Экономическая логика, стоящая за перекладыванием бремени токсичных отходов на страны с самыми низкими зарплатами, безупречна, и мы должны примириться с ней». Это обосновывается, по Саммерсу, тем, что «размеры издержек от губящего здоровье загрязнения окружающей среды зависят от изначальных ставок заработной платы, и связаны с ростом заболеваемости и смертности. С этой точки зрения загрязнять окружающую среду следует в той стране, где издержки будут наименьшими, т.е. в стране с наименьшим уровнем заработной платы» (11).

Дисконтирование будущего

Нордхаус, который сегодня считается одним из самых влиятельных мейнстримных экономистов в вопросе глобального потепления и который на голову выше таких фигур, как Саймон и Ломборг, в своей книге «Вопрос баланса: взвешивая все варианты политики по глобальному потеплению» (2008 г.) предложил стратегию медленного снижения выбросов парниковых газов (12). Тем самым Нордхаус продемонстрировал, что, несмотря на впечатляющий набор званий и регалий, он ограничен той же идеологией, которая испортила других мейнстримных экономистов. В сущности, она сводится к вере, что капитализм предлагает наиболее эффективный ответ на вопросы использования ресурсов, и, фактически, исчерпывающий ответ на все мировые проблемы.

«Вопрос баланса...» выдает достаточно стандартное для экономики суждение о том, как реагировать на глобальное изменение климата, хотя и опирается на характерный для Нордхауса анализ с использованием сложных методов моделирования. Нордхаус признает, что глобальное изменение климата – серьезная про-

блема, созданная человеком, но утверждает, что уходить от источников энергии, выделяющих углерод, необходимо постепенно. Тем не менее, ключевая ошибка его подхода состоит в том, что ценность природной среды и человеческого здоровья определяется стандартными экономическими мерками, которые абсолютно для этого не подходят, а также в том, что совершенно упускается возможность экологической катастрофы, которая полностью подорвет экономику и, конечно же, известный нам миропорядок. Эти недостатки, типичные для мейнстримной экономической теории, выявляются в его подходе, дисконтирующем оценку необходимых усилий по сокращению углеродосодержащих выбросов. Грубо говоря, Нордхаус считает, что скромного количества усилий в сокращении углеродосодержащих выбросов для ближайшего будущего достаточно, следует лишь постепенно увеличивать их со временем. Таким образом, он ратует за высокую ставку дисконтирования.

Проблема дисконтирования может показаться большинству людей (за исключением экономистов) неясной, поэтому она заслуживает некоторого внимания. По сути, дисконтирование - это то, как мы оцениваем будущее относительно настоящего – в той мере, в какой имеет смысл

облекать в цифры подобные оценки. Ставку дисконтирования можно объяснить как функционирующую в обратной зависимости к сложному проценту. Если «начисление сложного процента показывает, сколько сегодняшние инвестиции будут стоить в будущем, то дисконтирование устанавливает, сколько будущие прибыли стоят сегодня» (13). Определение ставки дисконтирования связано с двумя этическими вопросами. Первый – как мы оцениваем благосостояние будущих поколений относительно поколений сегодняшних (ставка дисконтирования по времени). Как утверждает Нордхаус, «нулевая ставка дисконтирования означает, что все поколения в неопределенном будущем будут иметь дело с тем же самым; положительная ставка дисконтирования означает, что благосостояние будущих поколений снизится или “дисконтируется” по сравнению с ближайшими поколениями». Катастрофа, которая может постигнуть человечество через 50 лет и которой дается ставка дисконтирования в 10%, имеет «текущую стоимость» менее 1% от своей будущей цены. Второй вопрос – насколько богаче будущие поколения будут в сравнении с ныне живущими, и уместно ли перекладывать затраты из настоящего в будущее. Если мы предполагаем высокий темп экономи-

ческого роста в неопределенном будущем, вероятнее всего мы постараемся избегать затрат на решение проблем сейчас, поскольку считаем, что будущие поколения будут более богаче, чем мы, и им будет проще решить эти проблемы, даже если они усугубятся (14).

Противоречивость вопроса ставки дисконтирования, как писал придерживающийся энвайроменталистских взглядов экономист Франк Акерман, состоит в том, что «на самом деле это вопрос выбора: приемлемая для общественной политики, затрагивающей судьбы многих поколений, ставка дисконтирования не может быть выведена из сегодняшних решений частного рынка или из экономической теории. Низкая ставка дисконтирования имеет решающее значение для будущих поколений и условий существования. Это подразумевает, что этически необходимо иметь нулевую или близкую к нулю ставку дисконтирования, дабы уважать наших потомков и создать устойчивое будущее» (15). В сущности, сама идея устойчивости означает сохранение окружающей среды для будущих поколений.

Теоретик экономического роста Рой Харрод утверждал в 1940-х гг., что дисконтирование будущего, основанное на «исключительно

временнóм предпочтении» (близоруком предпочтении потребления сегодня без каких-либо оговорок) является «вежливым синонимом жадности». Высокая ставка дисконтирования поощряет расходы на политику и проекты с краткосрочной прибылью и долгосрочными издержками, в противоположность политике и проектам с высокими авансовыми затратами и длительной окупаемостью. Все это способствует подходу «поживем – увидим» и «тише едешь – дальше будешь» по отношению к нависшим опасностям, таким как изменение климата, вместо перехода к жестким превентивным действиям (16).

Нордхаус, подобно большинству мейнстримных экономистов, своей поддержкой высокой ставки дисконтирования принижает ценность благосостояния будущих поколений относительно поколений нынешних и утверждает, несмотря на значительную сомнительность этого тезиса, что будущие поколения будут намного богаче. Это делает его противником крупных незамедлительных вложений в борьбу с изменением климата. Он поддерживает обложение углеродосодержащих выбросов налогом в \$30-50 на тонну и увеличение его до \$85 к середине столетия. Заметим, что налог в \$30 повысил бы

цену за бензин всего лишь на 7 центов за галлон (3,78 л). Это показывает, сколь мало важна для Нордхауса борьба с изменением климата, так же как и будущее человечества и окружающей среды. И все же Нордхаус утроил свою оценку потерь мирового валового продукта из-за климатических изменений в 2100 г., повысив ее с первоначального 1% до 3% в своем более позднем исследовании (17). При этом подобные потери считались незначительными при наличии высокой ставки дисконтирования по сравнению с издержками, к которым привела бы любая попытка решительной борьбы с климатическими изменениями сегодня, что и побудило Нордхауса защищать бесхребетный ответ на эти изменения.

Особенно Нордхаус оспаривает аргументы, изложенные бывшим главным экономистом Всемирного банка Николасом Стерном в работе «Экономика климатических изменений» (более известной как Обзор Стерна), которая была написана для британского правительства. В ней Стерн защищает немедленные и значительные вложения, нацеленные на сокращение углеродосодержащих выбросов. Стерн дистанцируется от взглядов большинства ортодоксальных экономистов и настаивает на низкой ставке дисконтирования, заявляя, что этически непро-

ститительно принижать ценность благосостояния будущих поколений и перекладывать на них решение порождаемых нами проблем. Если Нордхаус дисконтирует будущее на уровне 6% в год, то Стерн – на уровне 1,4%. Это означает, что триллион долларов через сто лет для Стерна равен сегодняшним 247 млрд. долл., а для Нордхауса – 2,5 млрд. долл. (18) Вот почему Стерн ратует за обложение углеродосодержащих выбросов налогом в размере более \$300 на тонну и его увеличение до \$1000 к концу XXI века (19). Ломборг в статье, опубликованной в «Уолл Стрит Джорнал», охарактеризовал Обзор Стерна как «паникерский», а в своей книге «Охладите!..» назвал его «радикальным обзором», противопоставив ему работу Нордхауса (20).

Экономисты, далекие от реальности

Важно понимать, что показанное нами различие между Нордхаусом и Стерном, по существу, носит этический характер. Они расходятся не в своих взглядах на роль научного знания в решении проблемы климатических изменений, а в оценке правомерности переноса бремени от разрушения окружающей среды на будущие

поколения. Это разоблачает идеологию, выпестованную ортодоксальной неоклассической экономической теорией, которая упорно представляет себя как использующую объективные, даже естественнонаучные методы для экономического моделирования. Однако, если отбросить все уравнения и профессиональный жаргон, окажется, что господствующая экономическая парадигма основывается на стоимостной системе, которая превозносит накопление краткосрочного капитала и обесценивает все остальное в настоящем и абсолютно все в будущем.

Прочие мейнстримные экономисты в своей научной слепоте в той или иной степени близки и к Нордхаусу, и к Стерну. Сам Нордхаус предлагает то, что в терминах экономической теории названо им «оптимальной траекторией», которая нацелена на замедление роста углеродосодержащих выбросов. Он настаивает, что в рамках политики в сфере климата углеродосодержащие выбросы следует сокращать медленными темпами с последующим ускорением. Однако же такой подход неизбежно приведет в конце XXI века к концентрации диоксида углерода в атмосфере около 700 расчетных единиц на миллион (рем), что повысит среднемировую температуру на 6°C по сравнению с доиндустри-

альным периодом. Этот уровень температуры Марк Линас в своей книге «Шесть градусов» сравнил с первыми шестью кругами «Ада» Данте (21).

Действительно, даже в случае концентрации диоксида углерода на уровне, значительно меньшем вышеуказанного, – 500 ppm (который связан с глобальным потеплением величиной в 3,5°C), последствия как для мирового биоразнообразия, так и для человеческих жизней будут бедственными. Умеренная оценка количества видов, обреченных на исчезновение при этом уровне концентрации диоксида углерода, согласно Джеймсу Хансену, директору Института космических исследований Годдарда при НАСА, составляет один миллион. Кроме того, повышение уровня моря, таяние ледников и другие последствия затронут сотни миллионов, возможно, миллиарды людей. Хансен, будучи всемирно известным климатологом, считает, что для предотвращения катастрофических изменений на планете необходимо сократить концентрацию диоксида углерода в атмосфере до уровня 350 ppm (22).

Примечательно, что Обзор Стерна, названный Ломборгом «радикальным» и «паникерским», нацеливает на стабилизацию концен-

трации диоксида углерода на уровне 480 ppm, которые, пусть и далекие от 700 ppm Нордхауса, несомненно, будут губительными, если доверять анализу Хансена и большинства других ведущих климатологов (23). Так почему же приводится такая высокая величина?

Ответ недвусмысленно дает сам Обзор Стерна, который утверждает, что по прошлому опыту любое сокращение среднегодовых углеродосодержащих выбросов более чем на 1% в индустриальных странах имело значительное негативное воздействие на экономический рост. Или, как заявляется в Обзоре Стерна, «трудно обеспечить сокращение выбросов быстрее величины 1% в год за исключением периодов рецессии» (24). Таким образом, установка на концентрацию диоксида углерода определяется не требованием защиты глобальной окружающей среды, биологических видов и обеспечения стабильности человеческой цивилизации, а необходимостью поддержки на плаву капиталистической экономики.

Отправной пункт, который привел Саммерса к утверждению, сделанному в служебной записке Всемирному банку в 1992 г., по сути тот же, что лежит в основе анализа как Нордхауса, так и Стерна. Он состоит в том, что ценность чело-

веческой жизни зависит от пользы в денежном эквиваленте, которую отдельный человек приносит экономике. Таким образом, если глобальное потепление повысит уровень смертности в Бангладеш (что, по-видимому, и произойдет), в экономических моделях это отразится только в той степени, в которой смерти бенгальцев нанесут ущерб экономике. Поскольку Бангладеш является очень бедной страной, экономические модели по типу моделей Нордхауса и Стерна не берут в расчет даже возможность предотвращения этих смертей, так как вызванные ими экономические потери в их системе измерения будут крайне незначительными. Нордхаус в своей модели дисконтирования идет дальше Стерна и наделяет жизни людей еще меньшей ценностью, если речь идет о потерях на протяжении нескольких десятилетий. Такая экономическая идеология в действительности полностью игнорирует человеческую жизнь, и миллионы биологических видов на Земле оцениваются только по величине их вклада в ВВП. Таким образом, в мейнстримных экономических моделях нет места этической парадигме о неоспоримой ценности жизни человека и других существ. Растущая человеческая смертность и увеличивающийся темп вымирания биологических видов для боль-

шинства экономистов является проблемой в той мере, в какой это сокращает «конечный продукт». К остальным проблемам, включая проблемы живой природы в целом, они совершенно глухи.

С точки зрения любой рациональной перспективы, т.е. перспективы, которая не определяется исключительно узкой экономической целью накопления капитала, подобные взгляды кажутся полностью иррациональными, если не патологическими. Проиллюстрируем этот эксцентричный тип мышления отрывком из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла: «До самого красивого никогда не дотянешься, – сказала, наконец, Алиса со вздохом досады и выпрямилась. Щеки у нее покраснелись, с волос и рук ручьями текла вода. Она уселась на место и принялась разбирать цветы» (IV).

Алиса была озадачена тем, что, как только она сорвала цветы, они начали увядать и терять весь свой аромат и красоту. Даже сильно пахнущие цветы сохраняют аромат очень недолго, и в сказочном мире они увяли, словно тающий снег; и вот у ног Алисы лежит то, что никак нельзя назвать цветами, но она с трудом замечает перемену, ведь вокруг еще много других любопытных вещей (25).

Общество, - которое ценит превыше всего погоню за абстрактной добавленной стоимостью и которое в непрерывном стремлении к дальнейшему накоплению капитала в конечном итоге губит природу, - в основе своей иррациональное общество. Ясно, что важно для общества, поступь которого все рушит на своем пути, а само оно постоянно озирается вокруг в гонке за прибылью.

По иронии судьбы мейнстримные экономисты никогда не принадлежали к материалистической науке. Нет ничего общего с материалистической концепцией природы в том, что Йозеф Шумпетер (V) назвал «доаналитическим видением» (26). Вообще, мейнстримные экономисты почти полностью игнорируют физику (находясь в постоянном противоречии со вторым законом термодинамики) и факт деградации биосферы. Они воспринимают окружающий мир исключительно через призму непрерывного, расширяющегося «кругооборота» экономических отношений.

Экологическая слепота неоклассической экономической теории, исключаяющей планету из своего поля зрения, хорошо иллюстрируется дискуссией во Всемирном банке в 1992 г., о которой поведал экономист-эколог Герман Дейли. В 1992 г., когда Саммерс был главным экономи-

стом Всемирного банка, а Дейли работал там, ежегодный Доклад о мировом развитии был посвящен теме «Развитие и окружающая среда».

Первоначальный вариант доклада содержал схему, которая называлась «Взаимосвязь между экономикой и окружающей средой». Схема состояла из прямоугольника с надписью «экономика» и двух стрелок, одна из которых была направлена к прямоугольнику и обозначала потребляемые ресурсы, а другая отходила от него и обозначала продукцию. Дейли заявил, что рисунок не показывает значимость окружающей среды, поэтому блок «экономика» следует поместить в более крупный прямоугольник с надписью «окружающая среда». Тогда взаимосвязь между окружающей средой и экономикой станет ясной – экономика как подсистема окружающей среды, окружающая среда как источник сырья и как «сточная канава» для отходов производства.

Следующий вариант доклада включал ту же самую схему и текст, но более крупный прямоугольник был без названия, как обычная рамка. Дейли заметил, что этот прямоугольник должен иметь подпись «окружающая среда», иначе он будет обычной декорацией, и что статья должна объяснять взаимосвязь экономики с окружа-

ющей средой - как подсистемы, заключенной в рамки большей экосистемы и зависящей от нее. В третий вариант доклада схема не была включена вообще (27).

К счастью, не все экономисты столь безнадежно далеки от реальности. Николас Джорджеску-Реген, экономист, критичный к антиэкологической ориентации экономической теории, заложил основы неортодоксальной традиции, известной как экологическая экономическая теория. Ее неотъемлемой частью является представление о том, что экономика материально ограничена физической и экологической средой, поэтому непрерывная погоня за общественным благосостоянием и экономической прибылью усиливает экологическое давление на природу, расширяя масштаб деградации окружающей среды. Джорджеску-Реген показал ошибочность утверждения, что экономика может быть отделена от окружающей среды. Другие экономисты, например Герман Дейли и марксист Пол Беркетт, способствовали дальнейшему продвижению идей экологической экономической теории (28). И все же экологические экономисты остаются в меньшинстве, они исключены из процесса принятия решений, а их влияние в академических кругах незначительно.

Идол капитала

Мейнстримные экономисты считают себя учеными, заботящимися об экономическом росте. Тем не менее, принятие неограниченного экономического роста в качестве цели общественного развития и способа удовлетворения человеческих потребностей выглядит в лучшем случае наивным. Как замечает Дейли, «вечно растущая экономика биофизически невозможна» (29). Зыбкость подобной позиции очевидна и в свете того факта, что подрывается сама основа экономики – природная среда.

Маркс понимал важность социально-экологических отношений. Он указывал, что люди зависят от природы, которая обеспечивает их энергией и материалами, что делает возможной саму жизнь. Тогда как апологеты капитализма сосредоточиваются на меновой стоимости и краткосрочной прибыли, Маркс подчеркивал, что Земля – первичный источник всех материальных благ, и что ее следует беречь для последующих поколений. «Завоевание природы» ради бесконечной погони за прибылью неизбежно влечет за собой разрушение природных циклов и процессов, что подрывает экосистемы

и вызывает метаболические разрывы. Энгельс предупреждал, что подобные действия человека оставляют особое «клеймо...на планете» и могут вызвать непредвиденные изменения природных условий. «Мечь» со стороны природы будет неизбежной (30).

В настоящее время диоксид углерода выделяется в атмосферу все более ускоряющимися темпами, намного превышающими способность экосистем поглощать его. Согласно статье, опубликованной Джозефом Г. Канаделлем и его коллегами в «Записках Национальной академии наук», темп роста углеродосодержащих выбросов увеличивается, поскольку мировая экономика растет и становится даже еще более углеродоинтенсивной. Иными словами, в начале XXI века на единицу хозяйственной активности приходится больше углеродосодержащих выбросов, чем это было в XX веке. Одновременно снижается способность экосистем поглощать диоксид углерода, что способствует дальнейшей деградации окружающей среды, в т.ч. обезлесению. Все это приводит к еще большему, чем ожидалось ранее, подъему концентрации в атмосфере диоксида углерода (31). Таким образом, идол капитала выжимает все соки из природы, под-

рывающая ее способность обеспечивать человечество всем необходимым для его существования.

Имеется множество причин считать, что процессы, которые были характерны для последних 100 лет, например, экономический рост, вряд ли будут характерны для следующих 100 лет, и на это следовало бы обратить особое внимание при анализе нынешнего экономического кризиса. В свете этого кажется крайне сомнительным оправдание перекладывания затрат на решение экологических проблем на будущие поколения, которые предположительно окажутся богаче нынешних. В отношении экономики, также как и состояния окружающей среды, будущее весьма неопределенно, хотя современные тенденции ясно указывают на надвигающуюся катастрофу. Если глобальные климатические изменения, не говоря уже о многих других взаимосвязанных экологических проблемах, с которыми мы сталкиваемся, будут иметь более катастрофические, чем прогнозируют ученые, последствия, то не только экономический рост будет поставлен под вопрос, но и экономика в целом, возможно, будет подорвана, как и природная среда, от которой все мы зависим. Так что будущие поколения вполне могут быть намного беднее нынешних и

даже менее способны решить проблемы, которые мы сейчас создаем.

Кроме того, вследствие одержимости экономическим ростом неоклассические экономисты концентрируются на частных благах (VI), которые отражают индивидуальные интересы и составляют основу ВВП, тогда как общественные блага (VII) и коллективные интересы, наоборот, ими обесцениваются. Вот почему неоклассические экономисты всячески потворствуют экономическим «пузырям» и такому подходу к мировым ресурсам, которым невозможно руководствоваться в более отдаленной перспективе.

По всем этим причинам нынешний экономический порядок ведет к неверной оценке состояния планеты и ресурсов, имеющихся у человечества. Капитализм во многих отношениях стал несостоятельной системой в отношении окружающей среды, экономики и мировой стабильности. Он не оправдывает надежд людей и в характерном для него процессе неограниченного потребления подрывает долгосрочные перспективы человечества и Земли (32).

Если мы не можем полагаться на ортодоксальных экономистов в деле предотвращения кризисов на финансовых рынках, - сфере, ко-

торая предположительно является сутью их компетенции, то почему мы должны полагаться на них для предотвращения экологических кризисов, понимание которых требует хорошего знания природной среды, чего в отношении ортодоксальных экономистов сказать нельзя? Такое знание несовместимо с капиталистическим мировоззрением, которое внедряется в мейн-стримной экономической теории. Как справедливо заметил Эрлих, «большинство экономистов совершенно не сведущи в ограничениях, которые накладываются физическими и биологическими факторами на экономическую систему», и они не способны «... понять, что экономическая система полностью и необратимо вписана в окружающую среду», а не наоборот. Так что «следует прямо сказать, что сегодня большинство экологов видят в экономической системе, ориентированной на рост, и в экономистах, которые поддерживают эту систему, смертельную угрозу для человечества». Кроме того, «безразличие экономической теории к реалиям окружающей среды можно увидеть в утверждении, что рыночный механизм полностью исключает необходимость беспокоиться о проблеме сокращения ресурсов на долгосрочную перспективу» (33).

План Б: технологическая страна чудес

Неспособность мейнстримных экономистов предложить решение экологических проблем в рамках капиталистической экономики недавно продемонстрировал так называемый План Б, нацеленный на спасение системы посредством распространения технологических решений для осуществления «зеленой революции» без каких-либо изменений социальных и экономических отношений. Часто этот план представляется в терминах «инвестиционной стратегии», которая опирается на шумпетерианские взгляды на инновации в экологической сфере. Считается, что каким-то образом это спасет положение и в экономике, и в природе, одновременно возродив американскую империю. Ортодоксальные экономисты признают, что проблемы ресурсов сегодня повысят цены на них завтра, и более высокие цены заставят создавать новые технологии. Новая армия энвайронменталистских технократов заявляет, что инновации, которые разрешат все проблемы, прямо-таки ждут своего часа, чтобы показать себя. Но произойдет это, только если будут созданы необходимые рыночные условия, как правило, с помощью государства. Подобные взгляды последние несколько лет пропаганди-

руются такими фигурами, как Томас Фридман, Ньют Гингрич, Фред Крупп (Фонд защиты окружающей среды), Тед Нордхаус и Майкл Шелленбергер из Института «Прорыв» (VIII). Фред Крупп и Мириам Хорн представляют это как вопрос конкурентной гонки между странами за то, чтобы стать первыми в «зеленых» технологиях и рынках, которые спасут мир. Они пишут: «Вопрос состоит уже не столько в том, как предотвратить катастрофические последствия климатических изменений, сколько в том, какие страны будут производить и экспортировать “зеленые” технологии двадцать первого века» (34). Для подобного подхода характерно упование на «чудеса» технологий и рынка и игнорирование проблем физики, экологии, общественных отношений, а также противоречий, свойственных процессу накопления капитала. Этот подход все сводит к вопросу энергетической эффективности (и другим техническим вопросам) без понимания того, что в капиталистической системе рост производительности обычно ведет к росту масштабов экономики (и к дальнейшим разрывам в экологических системах), тем самым сводя на нет любые достигнутые успехи в деле защиты окружающей среды (35).

Технократы, подобно своим союзникам, мейн-стримным экономистам, обещают разрешить все проблемы, оставив общественные отношения нетронутыми. Их наиболее амбициозные проекты включают масштабные геоинженерные решения для борьбы с климатическими изменениями, нацеленные на повышение альbedo Земли (IX). Они предусматривают использование самолетов, военно-морских орудий и гигантских воздушных шаров для распыления в верхней стратосфере веществ, отражающих солнечную радиацию (сульфатсодержащие аэрозоли, вещества с оксидом алюминия). Предлагается даже создавать «искусственные частицы», которые бы обладали свойствами «самолевитации» и «самоориентации в пространстве» и которые перемещались бы к полюсам и служили «зонтиками» для полярных регионов (36). Как мы видим, подобные технократы живут в стране чудес, где технологии решают все проблемы и где ученика чародея (X) никогда не услышат. Все, что они предлагают, нацелено на дальнейшее завоевание планеты, а не на то, чтобы заключить с ней мир.

Экологическая революция

Если когда-нибудь будет написана история экологической революции, то ее истоки нужно будет искать в книге Рейчел Карсон «Безмолвная весна» (XI). В стремлении противостоять тому, что Карсон называла «бесплодной одержимостью искусственными вещами, отчужденностью от источников нашей силы», ставшими всеобщими для капиталистической страны чудес, она настаивала на том, что следует культивировать в себе обновленное чувство изумления окружающим миром и живыми существами. Конечно, недостаточно просто созерцать жизнь, что сама Карсон продемонстрировала своей общественной деятельностью. Необходимо также защищать ее, а это означает активное противостояние «богам прибыли и производства», а также их верным глашатаям – мейстримным экономистам нашего времени.

Примечания

I. Компания по доверительному управлению инвестициями – компания, которая специализируется, в первую очередь, на получении дохода от инвестиций, в отличие от компании по управлению активами. Деятельность компании включает отбор наиболее привлекательных инвестиционных активов, формирование инвестиционного портфеля, контроль за процессом инвестирования, а также периодическую оценку фактической эффективности инвестиций и пересмотр состава инвестиционного портфеля.

II. Энвайроментализм (англ. environment – окружающая среда) – этическое и общественное течение, нацеленное на защиту и улучшение природной среды. Зародилось в Европе и США в конце XIX века. В 1960-е гг. энвайроментализм дал начало «зеленому» движению.

III. Гудзоновский институт – научно-исследовательская организация, изучающая тенденции экономического, технологического и политического развития. Основан в 1961 г. в Нью-Йорке, с 1984 г. находится в Индианаполисе.

IV. Перевод Н. Демуровой.

V. Йозеф Шумпетер (1883-1950) – американский экономист, автор одной из теорий экономических циклов.

VI. Частные блага – блага, обладающие свойствами исключительности и конкурентности, т.е. потребление частного блага каким-либо экономическим субъектом делает практически невозможным для всех остальных субъектов потребление этого же блага в том же отношении (например, одежда, мебель, в отличие от государственного образования или здравоохранения).

VII. Общественные блага – блага, обладающие свойствами неконкурентности (т.е. потребление такого блага одним человеком не сокращает доступность этого блага для других) и неисключительности в потреблении (т.е. нельзя исключить кого-либо из пользования этими благами без исключения всех остальных). Общественные блага предоставляются государством для всего или большинства населения страны (например, общественный транспорт, оборона, образование, здравоохранение, чистые улицы и т.д.), и на обеспечение общественных благ государство использует бюджетные фонды, сформированные из налогов.

VIII. Институт «Прорыв» (Breakthrough Institute) – исследовательский центр по проблемам окружающей среды и экологической политики. Создан в 2003 г. Находится в Нью-Йорке.

IX. Альbedo (от лат. albedo – белизна) – отражательная способность земной поверхности, равная отношению величины отраженной солнечной ради-

ации к потоку радиации, упавшей на земную поверхность.

X. Аллюзия на балладу И.В. фон Гете «Ученик чародея» (Der Zauberlehrling).

XI. Рейчел Карсон (1907-1964) – американский биолог, писательница, общественный деятель, участница движения за охрану окружающей среды.

Библиография

1. Jean-Philippe Bouchaud, "Economics Needs a New Scientific Revolution," *Nature* 455 (October 30, 2008): 1181.

2. Naomi Klein, "The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism" (New York: Henry Holt, 2007). «"После нас хоть потоп!" – лозунг любого капиталиста и любой капиталистической страны. Именно поэтому капитал не принимает во внимание здоровье и продолжительность жизни рабочих, до тех пор, пока общественные силы не заставят его сделать это». Karl Marx, *Capital*, vol. 1 (New York: Vintage, 1976), 381.

3. Paul R. Ehrlich, "An Economist in Wonderland," *Social Science Quarterly* 62 (1981): 44-49; Julian L. Simon, "Resources, Population, Environment: An Oversupply of False Bad News," *Science* 208 (June 27, 1980): 1431-37, "Bad News: Is It True?" *Science* 210 (December 19, 1980): 1305-8, "Environmental Disruption or Environmental Improvement?" *Social Science Quarterly* 62 (1981): 30-43, *The Ultimate Resource* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981), "Paul Ehrlich Saying It Is So Doesn't Make it So," *Social Science Quarterly* 63 (1982): 381-5. Остальные аргументы со стороны Эрлиха и его единомышленников см.: Ehrlich, "Environmental Disruption: Implications for the Social Sciences," *Social Science Quarterly* 62 (1981): 7-22, "That's Right – You Should Check It For Yourself,"

Social Science Quarterly 63 (1982): 385-7, John P. Holdren, Paul R. Ehrlich, Anne H. Ehrlich, and John Harte, "Bad News: Is It True?" *Science* 210 (December 19, 1980): 1296-1301.

4. Bjørn Lomborg, *The Skeptical Environmentalist* (Cambridge: Cambridge University Press, 2001); Stuart Pimm and Jeff Harvey, review of *The Skeptical Environmentalist*, *Nature* 414 (November 8, 2001): 149-150; Stephen Schneider, John P. Holdren, John Bogaars, and Thomas Lovejoy in *Scientific American* 286, no. 1 (January 2002), 62-72; "Defending Science," *The Economist*, January 31, 2002, 15-16.

5. Bjørn Lomborg, *Global Crises, Global Solutions* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004), 6.

6. Bjørn Lomborg, *Cool It: The Skeptical Environmentalist's Guide to Global Warming* (New York: Alfred A. Knopf, 2007), 37. См. также Frank Ackerman, "Hot, It's Not: Reflections on Cool It, by Bjørn Lomborg," *Climatic Change* 89 (2008), 435-46.

7. Milton Friedman in Carla Ravaioli, *Economists and the Environment* (London; Zed Press, 1995), 32, 64-65.

8. Stephen H. Schneider, *Laboratory Earth* (New York: Basic Books, 1997), 129-35; William D. Nordhaus, "An Optimal Transition Path for Controlling Greenhouse Gases," *Science* 258 (November 20, 1992): 1318; Stephen Schneider, "Pondering Greenhouse Policy," *Science* 259 (March 5, 1993): 1381. Приведенная дискуссия взята из введения к John Bellamy Foster, *The*

Ecological Revolution (New York: Monthly Review Press, 2009), 24-25.

9. Thomas C. Schelling, "The Greenhouse Effect," *The Concise Encyclopedia of Economics*, <http://www.econlib.org/library/Enc1/GreenhouseEffect.html>; Schelling in Lomborg, *Global Crises, Global Solutions*, 630. Шеллинг часто «восхваляют» как ведущего «стратега» войны во Вьетнаме.

10. Gordon Rattray Taylor, *The Doomsday Book* (Greenwich, CT: Fawcett Publications, 1970), 32-33.

11. После того, как служебная записка стала достоянием гласности, Саммерс заявил, что это была «ирония», но тот факт, что его позиция совпадает и с мейнстримной экономической теорией, и с другими заявлениями, сделанными им публично и недвусмысленно, опровергает его заявление. См. служебную записку Саммерса и ее критику John Bellamy Foster, *Ecology Against Capitalism* (New York: Monthly Review Press, 2002), 60-68.

12. William Nordhaus, *A Question of Balance: Weighing the Options on Global Warming Policies* (New Haven: Yale University Press, 2008).

13. Coastal Services Center, National Oceanic and Atmospheric Association, "Restoration Economics: Discounting and Time Preference," <http://www.csc.noaa.gov/coastal/economics/discounting.htm>.

14. William Nordhaus, "Critical Assumptions in the Stern Review on Climate Change," *Science* 317 (2007):

201-202; *Coastal Services Center, National Oceanic and Atmospheric Association, "Restoration Economics."*

15. Ackerman, "Hot, It's Not," 443.

16. Roy Harrod, *Towards a Dynamic Economy* (New York: St. Martin's Press, 1948), 40; Stern, *The Economics of Climate Change*, 35-36; William Cline, "Climate Change," in Lomborg, *Global Crises, Global Solutions*, 16.

17. Nordhaus, *A Question of Balance*, 13-14.

18. John Browne, "The Ethics of Climate Change: The Stern Review," *Scientific American* 298, no. 6 (June 2008): 97-100.

19. Nicholas Stern, *The Economics of Climate Change: The Stern Review* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007).

20. Bjørn Lomborg, "Stern Review: The Dodgy Numbers Behind the Latest Warming Scare," *Wall Street Journal*, November 2, 2006, and *Cool It!*, 31.

21. Nordhaus, *A Question of Balance*, 13-14; Simon Dietz and Nicholas Stern, "On the Timing of Greenhouse Gas Emissions Reductions: A Final Rejoinder to the Symposium on 'The Economics of Climate Change: The Stern Review and its Critics,'" *Review of Environmental Economics and Policy* 3, no. 1 (Winter 2009), 138-40; Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC), *Summary for Policymakers in Climate Change 2007: Mitigation* (Cambridge: Cambridge University Press,

2007), 15; Mark Lynas, *Six Degrees* (Washington, D.C.: National Geographic, 2008), 241.

22. James and Anniak Hansen, "Dear Barack and Michelle: An Open Letter to the President and the First Lady from the Nation's Top Climate Scientist," *Gristmill*, January 2, 2009, <http://www.grist.org>; IPCC, *Summary for Policymakers in Climate Change 2007*, 15; Stern, *The Economics of Climate Change*, 16.

23. IPCC, *Summary for Policymakers in Climate Change 2007*, 15; Dietz and Stern, "On the Timing," 139; Stern, *The Economics of Climate Change*, 16. Вместо использования величины концентрации в атмосфере диоксида углерода, подобно Хансену и Нордхаусу, Стерн в своем обзоре сосредоточивается на эквивалентной концентрации диоксида углерода, которая включает шесть парниковых газов, указанных в Киотском протоколе (диоксид углерода, метан, закись азота, гидрофторуглероды, перфторуглероды и гексафторид серы), выраженных в пересчете на эквивалентное количество диоксида углерода.

24. Stern, *The Economics of Climate Change*, 231. См. John Bellamy Foster, Brett Clark, and Richard York, "Ecology: Moment of Truth – An Introduction," *Monthly Review* 60, no. 3 (July-August 2008), 1-11.

25. Lewis Carroll, *The Annotated Alice: The Definitive Edition*, ed. Martin Gardner (New York: Norton, 2000), 204.

26. Joseph A. Schumpeter, *A History of Economic Analysis* (New York: Oxford University Press, 1951), 41-42.

27. Herman Daly, *Beyond Growth* (Boston: Beacon Press, 1996), 5-6. Как говорит Дейли, позже Саммерс стал утверждать, что экономику не следует рассматривать в качестве подсистемы биосферы.

28. В дополнение к вышеуказанной книге Дейли см. Paul A. Burkett, *Marxism and Ecological Economics* (Boston: Brill, 2006).

29. Herman Daly, "Economics in a Full World," *Scientific American* 293, no. 3 (September 2005), 102.

30. Karl Marx, *Capital*, vol. 1 (New York: Vintage, 1976), 134, 637-638 and *Capital*, vol. 3 (New York: Vintage, 1981), 754; Frederick Engels, *The Dialectics of Nature* (Moscow: Progress Publishers, 1966), 179-180. См. также John Bellamy Foster, *Marx's Ecology* (New York: Monthly Review Press, 2000), 141-77.

31. Josep G. Canadell, Corinne Le Quéré, Michael R. Raupach, Christopher B. Field, Erik T. Buitenhuis, Philippe Ciais, Thomas J. Conway, Nathan P. Gillett, R. A. Houghton, and Gregg Marland, "Contributions to Accelerating Atmospheric CO₂ Growth from Economic Activity, Carbon Intensity, and Efficiency of Natural Sinks," *Proceedings of the National Academy of Sciences* 104, no. 47 (2007): 18866-18870.

32. См. John Bellamy Foster, "A Failed System," *Monthly Review* 60, no. 10 (March 2009): 1-23.

33. Paul Ehrlich, "Environmental Disruption," 12-14.

34. Fred Krupp and Miriam Horn, *Earth: The Sequel* (New York: W.W. Norton, 2009), 261. Анализ взглядов Т. Фридмана, Н. Гингерича и Института «Прорыв» дан во введении книги Д. Б. Фостера «Экологическая революция».

35. См. Brett Clark and John Bellamy Foster, "William Stanley Jevons and The Coal Question: An Introduction to Jevons's 'Of the Economy of Fuel,'" *Organization and Environment* 14, no. 1 (March 2001): 93-98; Brett Clark and Richard York, "Rifts and Shifts: Getting to the Root of Environmental Catastrophe," *Monthly Review* 60, no. 8 (November 2008): 13-24.

36. David G. Victor, M. Granger Morgan, Jay Apt, John Steinbruner, and Katharine Ricke, "The Geoengineering Option," *Foreign Affairs* 88, no. 2 (March-April 2009), 64-76.

Михаэль Леви

К дискуссии об эосоциализме

Эосоциалистический проект предполагает демократическое планирование экономики, учитывающее сохранение окружающей среды и предотвращение катастрофического изменения климата. Благодаря такому планированию мы получим возможность совершить революцию в энергосистеме, ведущую к замене существующих сегодня ресурсов (в первую очередь ископаемых), которые вызывают изменение климата и загрязнение атмосферы, обновляемыми источниками энергии: водой, ветром и солнцем.

Необходимое условие демократического и экологического планирования – общественный контроль над средствами производства: возможность принятия решений по поводу важных для общества технологических инвестиций и изменений должна быть изъята у банков и капиталистических компаний – если мы хотим, чтоб эти решения шли на пользу обществу и охране окружающей среды.

Общество должно быть свободно в демократическом выборе типов производства, которым отдаётся приоритет, – согласно социальному и

экологическому критерию, а также в определении объёма ресурсов для инвестирования в альтернативные виды энергии, образование, здравоохранение и культуру. Цены на товары уже не будут определяться законами спроса и предложения, а будут, насколько это возможно, фиксированы согласно социальным, политическим и экологическим критериям. Одной из задач такого планирования будет гарантия полной занятости, благодаря сокращению рабочего времени. Этого требует не только социальная справедливость, но и потребность в поддержке рабочего класса, без которой процесс структурной экологической трансформации производительных сил невозможен.

Демократическое планирование не подразумевает никакого «деспотизма», а подразумевает реализацию свободы решения всем обществом. Эта процедура необходима обществу для освобождения от отчуждающих «экономических законов» и «железных клеток» капитализма и бюрократических структур. Демократическое планирование, связанное с сокращением свободного времени, будет значительным прогрессом человечества в сторону того, что Маркс называл «царством свободы»: увеличение свободного времени есть условие для участия ра-

бочих в демократической дискуссии и управлении экономикой и обществом. Тип системы демократического планирования, к которому стремятся экосоциалисты, связан с принципиальными экономическими решениями – в первую очередь, касающимися опасностей глобального потепления – а не с управлением местными ресторанами, продуктовыми магазинами, пекарнями, лавками, ремесленными предприятиями или сферой услуг. Здесь важно подчеркнуть, что планирование не противоречит самоуправлению рабочих на своих производствах. В то время, как решение о трансформации, например, автомобильного завода в предприятие по производству моторов для ветряных ферм будет приниматься всем обществом, организация и внутреннее функционирование фабрики будет демократически осуществляться самими рабочими.

Мы вели долгие дискуссии по поводу «централизованного» или «децентрализованного» характера планирования. Так или иначе, самым важным остаётся демократический контроль над планом на всех уровнях: местном, региональном, национальном, континентальном и, будем надеяться, планетарном, поскольку экологические проблемы, такие как глобальное потепле-

ние, касаются всего мира и решать их можно только на глобальном уровне. Такой проект можно назвать «глобальным демократическим планированием». Он не имеет никакого отношения к тому, что обычно называют «централизованным планированием», поскольку экономические и общественные решения не должны спускаться из некоего «центра», а должны демократически приниматься заинтересованными людьми.

Экосоциалистическое планирование должно быть основано на демократической и плюралистической дискуссии, на каждом уровне принятия решений. Будут избираться делегаты планирующих организаций, организованные в форме партий, платформ или любых других политических движений, разнообразные предложения будут предлагаться тем, кого они интересуют. Иными словами, представительная демократия должна быть расширена – и усовершенствована – прямой демократией, дающей людям возможность напрямую выбирать – на местном, национальном и, в конечном счете, интернациональном уровне – из разнообразных предложений. Тогда все население сможет обсуждать такие вопросы, как бесплатный общественный транспорт, специальный налог на автовладельцев

для субсидирования общественного транспорта, субсидирование солнечной энергии, сокращение рабочего времени до 30, 25 или ещё меньшего количества часов в неделю, даже если это повлечет сокращение производства. Демократический характер планирования вполне совместим с участием экспертов, чья роль не в том, чтобы решать, а в том, чтобы представлять аргументы – зачастую разные, даже противоположные – во время демократического процесса принятия решений. Возникает вопрос – кто гарантирует, что люди будут делать правильный выбор, тот, который защитит окружающую среду, даже если ценой этого станет изменение тех или иных потребительских привычек? Такой «гарантии» не существует, есть только здравая ставка на то, что рациональность демократических решений однажды восторжествует, а фетишизм товарного потребления уйдет в прошлое. Ясно, что люди будут ошибаться, делая неправильный выбор, а эксперты разве не ошибаются? Невозможно представить себе создание нового общества если большинство людей не достигнет высокого уровня социалистической и экологической сознательности в результате борьбы, самообразования и социального опыта.

Некоторые экологи считают, что единственная альтернатива продуктивизму состоит в том, чтобы остановить рост как таковой, либо заменить его негативным ростом – который во Франции называется «спадом». Для этого необходимо радикальным образом сократить избыточный уровень потребления и отказаться, среди прочего, от частных домов, центрального отопления и стиральных машин, чтобы вполнину снизить потребление энергии. Достоинство сторонников «спада» в том, что они выводят на первый план радикальную критику продуктивизма и консьюмеризма. Но понятие «спад» связано с чисто количественным понятием «роста» и с развитием производительных сил. Лучше подумать о качественной трансформации развития. Это подразумевает две разных, но взаимодополняющих подхода:

1. Не только сокращение, но и блокирование целых секторов экономики, с тем, чтобы положить конец чудовищной трате ресурсов, вызываемой капитализмом – системой, основанной на широкомасштабном производстве бессмысленных и/или вредных продуктов. Военная промышленность – характерный пример продукции капиталистического производства (с её запрограммированным устареванием), не имеющей

иной пользы, кроме прибыли для крупных корпораций. Вопрос не в абстрактном «избыточном потреблении», а в типе потребления, который преобладает сегодня и имеет следующие основные свойства: показное потребление, колоссальные отходы, маниакальное накопление товаров и навязчивое потребление псевдоноваций, навязываемых «модой». Новое общество будет ориентировать производство на удовлетворение подлинных нужд, в первую очередь, тех, которые мы можем назвать «библейскими» – вода, пища, одежда и жильё – но включая ключевые услуги: медицину, образование, культуру и транспорт. Таким образом, мы можем говорить о «селективном спаде».

2. Кроме того, будет необходимо обеспечить «селективный рост» определенных отраслей производства или услуг, отвергаемых капитализмом: солнечной энергетики, органического сельского хозяйства (семейного или кооперативного), общественного транспорта и т.п.

Ясно, что страны, в которых основные нужды далеко не удовлетворены, то есть страны южного полушария, будут вынуждены заниматься «развитием» гораздо больше, чем промышленно развитые страны – из-за необходимости строить железные дороги, больницы, канализа-

ции и другую инфраструктуру. Но это развитие должно быть совместимо с системой производства, основанной на обновляемых энергиях и потому не вредной для окружающей среды.

Эти страны будут нуждаться в производстве больших объемов продовольствия для своего населения, которое уже страдает от голода. Но, как показывает многолетний опыт крестьянских движений, организованных на международном уровне сетью Виа Кампесина, эту задачу гораздо легче решать с помощью крестьянского органического земледелия на базе семейных предприятий, кооперативов или коллективных хозяйств, чем с помощью разрушительных и антисоциальных методов сельского хозяйства, принцип которого – интенсивное использование пестицидов, химических веществ и генетически модифицированных организмов. На смену скомпрометировавшей себя системе долга и империалистической эксплуатации ресурсов Юга промышленно развитыми капиталистическими странами придёт возможность подъёма технической и экономической помощи Югу со стороны Севера.

Вопреки мнению некоторых пуритански и аскетически настроенных экологов, вовсе не будет потребности в снижении – в абсолютных единицах – жизненных стандартов в Европе и Северной Америке. Населению этих стран будет просто необходимо избавиться от бесполезных продуктов, тех, которые не удовлетворяют никаких реальных нужд, и избыточное потребление которых поддерживается капиталистической системой. Сокращая потребление таких продуктов, люди переосмыслят понятие стандарта жизни в пользу образа жизни, который будет по сути своей гораздо богаче.

Как отличить подлинные потребности нужды от искусственных, ложных, мнимых? Рекламная индустрия – влияющая на формирование потребностей человека посредством манипуляций с сознанием – внедрилась в каждую сферу жизни современных капиталистических обществ. Всё организовано сообразно с её потребностями, не только то, что касается еды и одежды, но и такие разнообразные сферы, как спорт, культура, религия и политика. Реклама захватила наши улицы, наши почтовые ящики, наши телеэкраны, наши газеты и наши ландшафты самым коварным, неостановимым и агрессивным образом.

Эта отрасль прямо и непосредственно вырабатывает привычки к показному и навязчивому потреблению. Более того, она порождает феноменальный расход нефти, электричества, рабочего времени, бумаги, химических веществ и прочего сырья – платят же за все потребители. Эта отрасль «производства» не просто бесполезна с гуманистической точки зрения, она также противоречит потребностям общества как таковым.

Для рекламы, занимающей существенное место в капиталистической рыночной экономике, не будет места в обществе перехода к социализму. Её заменит информация о продуктах и услугах, предоставляемая потребительскими ассоциациями. Критерий отличия подлинной потребности от искусственной будет состоять в том, какие потребности сохранятся после избавления от рекламы. Ясно, что некоторое время старые потребительские шаблоны будут сохраняться, поскольку никто не имеет право диктовать людям их потребности. Изменение моделей потребления это исторический процесс и вопрос образования.

С некоторыми продуктами, такими как личные автомобили, связаны более сложные проблемы. Личные автомобили – это общественный недуг. Каждый год из-за них гибнут или становятся инвалидами сотни тысяч людей. Автомобили загрязняют воздух в мегаполисах – что крайне вредит здоровью детей и пожилых людей. Автомобили также чрезвычайно способствуют изменению климата.

Между тем, в существующих капиталистических условиях автомобиль удовлетворяет в том числе и реальные нужды. В процессе перехода к экосоциализму общественный транспорт будет легкодоступен и бесплатен – как наземный, так и подземный; также будут отдельные дорожки для пешеходов и велосипедистов. Соответственно, личный автомобиль станет играть гораздо менее важную роль, чем в буржуазном обществе, в котором он превратился в фетиш, пропагандируемый настойчивой и агрессивной рекламой.

На переходе к новому обществу будет гораздо легче жестким образом сократить автоперевозку товаров, влекущую трагические аварии и запредельный уровень загрязнения, и заменить её перевозкой грузов – или грузовых машин – по железной дороге. Развитие же автодорожного

транспорта вызвано ни чем иным, как абсурдной логикой капиталистической «конкурентности».

На эти предложения пессимисты ответят: да, но людьми движут бесконечные устремления и желания, которые необходимо контролировать, анализировать, пресекать и даже подавлять, если необходимо. Демократия в этом случае требует определенных ограничений. Однако экосоциализм основывается на вполне здравом предположении, которое разделял ещё Маркс: в обществе без социальных классов и капиталистического отчуждения «быть» возьмет верх над «иметь», свободный досуг окажется важнее желания обладать бесчисленными вещами: приоритетом станет личная реализация в культурном, спортивном, игровом, научном, эротическом, художественном и политическом времяпровождении. Товарный фетишизм порождает приобретательскую горячку с помощью идеологии и рекламы, свойственной капиталистической системе. Ничто не доказывает, что это часть «вечной человеческой природы».

Всё это не гарантирует – особенно если речь идёт о переходном периоде – отсутствия конфликтов: между необходимостью защиты окружающей среды и нуждами общества, между экологическими требованиями и необходимостью

создания базовой инфраструктуры, между массовыми потребительскими привычками и дефицитом ресурсов. Отсутствие социальных классов в обществе не означает отсутствия противоречий и конфликтов. Они неизбежны, и роль демократического планирования в эосоциалистическом проекте, свободном от давления капитала и чистогана, состоит в том, чтобы разрешать эти противоречия с помощью открытых и плюралистических дискуссий, обеспечивающих обществу возможность принятия решений. Такая демократия всеобщего участия – не гарантия от ошибок, а возможность исправлять их, предоставленная самому обществу.

Содержание

Джоэл Ковел, Михаэль Леви

Экосоциалистический манифест

Перевод Дмитрия Райдера

3

Ричард Йорк, Бретт Кларк, Джон Беллами Фостер

Капитализм в стране чудес

Перевод Александра Устенко и Сергея Решетина

14

Михаэль Лёви

К дискуссии об экосоциализме

Перевод Кирилла Медведева

60

